

УДК 811.531

DOI: 10.26140/bgj3-2021-1003-0066

КУЛЬТУРНЫЙ КОД КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ КОРЕЙСКОГО ЯЗЫКА)

© Автор(ы) 2021

SPIN: 8146-3771

AuthorID: 786265

ORCID: 0000-0003-0888-3349

ДОВГЕР Оксана Павловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков

Курский государственный медицинский университет

(305041, Россия, Курск, улица К. Маркса, 3, e-mail: odovger@yandex.ru)

ORCID: 0000-0003-4799-5423

ЕВДОКИМОВА Алена Юрьевна, студент факультета Мировой экономики и мировой политики

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(101000, Россия, Москва, улица Мясницкая, 20, e-mail: alena060909@gmail.com)

Аннотация. Данная статья рассматривает актуальные проблемы лингвокультурологии, а именно особую роль культурных кодов как существенного фактора формирования и развития языковой самоидентификации. Актуальность работы заключается в недостаточном исследовании термина «лингвокультурный код» в современной лингвистике. В результате активной глобализации современного мира, даже несмотря на условия пандемии 2020 года, интерес к скрытым национально и культурно обусловленным смыслам значительно возрос в современном мире. И поэтому лингвисты обратили пристальное внимание на понятие «культурный код». Авторы рассматривают отличительные характеристики, присущие грамматике и лексике корейского языка, и их взаимосвязь с социокультурными и историческими особенностями южнокорейского общества. Особую роль в формировании большинства южнокорейских норм, ценностей и традиций играет конфуцианская система верований, которая объясняет многие культурно-языковые коды в лексической и грамматической системе корейского языка. Конфуцианские ценности включают такие явления, как фамилизм, коммунизм, патернализм, трудовую и образовательную этику, что нашло свое отражение в современном корейском языке. Авторы приходят к выводу, что успешная коммуникация с представителями разных культур невозможна без понимания их языковой тождественности, без «расшифровки» лингвокультурных кодов, что дает неоценимую возможность расширить собственные представления о языковой картине мира.

Ключевые слова: культурный код, лингвокультурология, языковое самосознание, корейский язык, патернализм, фамилизм, когнитивная концепция, семиотика, культура, этническое самосознание

CULTURAL CODE AS ONE OF THE FACTORS IN THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF LINGUISTIC SELF-IDENTIFICATION (ON THE EXAMPLE OF THE KOREAN LANGUAGE)

© The Author(s) 2021

DOVGER Oksana Pavlovna, PhD in Pedagogics, Associate Professor, Assistant Professor of

the Foreign Languages Department

Kursk State Medical University

(305041, Russia, Kursk, Karl Marx St., 3, e-mail: odovger@yandex.ru)

EVDOKIMOVA Alena Yurievna, student of the Department of World Economy and World Politics

National Research University "Higher School of Economics"

(101000, Russia, Moscow, Myasnitskaya St, 20, e-mail: alena060909@gmail.com)

Abstract. This article deals with the topical problems of cultural linguistics, namely the special role of cultural codes as an essential factor in the formation and development of linguistic self-identification. The relevance of the work lies in the insufficient study of the term "linguocultural code" in modern linguistics. As a result of the active globalization of the modern world, even despite the conditions of the 2020 pandemic, interest in hidden nationally and culturally determined meanings has increased significantly in the modern world. And therefore, linguists have paid close attention to the concept of "cultural code". The authors examine the distinctive characteristics inherent in the grammar and vocabulary of the Korean language, and their relationship with the socio-cultural and historical characteristics of South Korean society. The Confucian belief system plays a special role in the formation of most South Korean norms, values and traditions, which explains many cultural and linguistic codes in the lexical and grammatical system of the Korean language. Confucian values include such phenomena as familism, communalism, paternalism, work and educational ethics, which are reflected in modern Korean. The authors come to the conclusion that successful communication with representatives of different cultures is impossible without understanding their linguistic identity, without "decoding" linguocultural codes, which provides an invaluable opportunity to expand their own ideas about the linguistic picture of the world.

Keywords: cultural code, cultural linguistics, familism, linguistic identity, Korean language, paternalism, cognitive concept, semiotics, culture, ethnic identity

ВВЕДЕНИЕ

Язык, как система устных и письменных символов, используется индивидами для выражения себя в социуме. Кроме того, он является средством накопления и трансляции культурных и национальных особенностей, традиций и исторического наследия той или иной этнографической группы. Изучением взаимосвязи между культурой и языком занимается лингвокультурология, особая область языкознания. В частности, данная наука исследует культурные концепты, закодированные в языке и передающиеся через его особенности. Согласно определению С.Г. Тер-Минасовой «лингвокультурология - комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культу-

ры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (систем норм и общественных ценностей)» [1]. Данные концепты в своей основе формируются в процессе когнитивной активности индивида, постигающего окружающий мир и своё взаимодействие с ним. Таким образом, формируется представление о базовых значениях и понятиях в языке [2]. Западные ученые отмечают в своих работах, что «Культурная лингвистика» занимается особенностями человеческих языков, которые кодируют или воплощают в жизнь созданные культурой концептуализации,

охватывающие весь спектр человеческого опыта» [3]. Другими словами, многие особенности человеческих языков укоренились или встроены в культурные коды.

Однако в процессе изучения культурных концептов как основного объекта лингвокультурологии, влияние когнитивных процессов не является преобладающим, так как большую роль играет социальное взаимодействие культурных групп [4]. Причиной этому служит факт, что в результате такого взаимодействия в языке закрепляются и отражаются традиции, обычаи, ритуалы, которые в свою очередь представляют собой предмет изучения лингвокультурологии. «Культурная» информация, заложенная в национальном языке, часто не лежит на поверхности, она «закодирована» в семантической структуре слова, в его внутренней форме, в семантике грамматических феноменов, в синтаксисе. Интерес к этим скрытым национально и культурно обусловленным смыслам так возрос в современном мире, что лингвисты обратили пристальное внимание на понятие «культурный код». В современной лингвистической науке при изучении влияния культурных концептов на развитие языка и языкового самосознания понятие «культурный код» стало встречаться во многих работах, посвященных проблеме формирования лингвистической идентификации и межкультурной коммуникации. Многие исследователи рассматривают язык как знаковый феномен со множеством лингвокультурных кодов; единицы каждого из них объединены в систему на основе общности образной тематики (в плане выражения) и единства символической тематики (в плане содержания), которая развивается как результат творческой деятельности коллективного интеллекта культурно-языковой общности [5].

Сквозь различные дискуссии последних десятилетий красной нитью проходит тема идентичности в широком смысле слова [6]. Говоря о языковой самоидентификации, многие лингвисты приходят к выводу, что говорящий субъект репрезентирует в речи присущую ему идентичность, которая устанавливается в ходе дискурса. Так, Л. В. Енина считает, что «идентичность есть всякий раз промежуточный результат непрерывного процесса идентификации посредством использования дискурсивных практик» [7]. Таким образом, можно сказать, что языковая идентификация – это установление принадлежности к определенной языковой группе, посредством вербального, паравербального и невербального маркирования, в том числе и использования лингвокультурных кодов. Человек заново определяет свою языковую идентичность, определяя понятия «свой- чужой» при помощи совершенно очевидных для него и закодированных для других культурных кодов.

Толковый словарь Ожегова дефинирует код как систему «условных обозначений, сигналов, передающих информацию» [8]. В лингвистическом понимании появился элемент семиотической концепции, обозначенный как «культурный код», так как с точки зрения семиотики культура рассматривается как система знаков и символов. Известный итальянский ученый У. Эко для сугубо семиотического обозначения и понимания кода предложил специфический термин S-код, который характеризуется организацией высказываний в соответствии с нормами комбинаторики и пониманием высказываний под определенными лингвокультурологическими параметрами (коммуниканты разных профессий, образования, пола и т.д.). Лингвокультурологические исследования активно разрабатывают идеи видения языка сквозь призму кодов (В. Н. Телия, В. Красных, Д. Гудков, М. Л. Ковшова и т.д.), резюмируя, что язык тоже может выступать как совокупность различных кодов и, признавая их важность для инокультурной коммуникации с точки зрения фундаментальной парадигмы научного познания, позволяющий получить знания о разных культурных кодах, принципах их использования и согласования [9]. Лингвистические исследования идентификации позволяют получить новые знания в области функционирования

избираемых для этой цели языковых средств, а также о языковой картине мира говорящего субъекта, и о его идентичности как носителя того или иного языка [10].

Анализ работ современных исследователей (В.А. Маслова, Н. В. Букина, В. В. Митина, М. С. Ситова, Г. В. Зубко и др.) подтверждает устойчивый интерес к понятию «культурный код», хотя и не приходит к единой дефиниции данного феномена. Так, Н. И. Степанова подчеркивает, что «культурные коды могут пониматься как понятийная сетка, с помощью которой носитель языка категоризует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний мир» [11]. Согласно исследованиям В.И. Карасика культурный код «образован совокупностью культурных символов, которые представляют собой коллективные кодифицированные образования, замещающие соответствующие значения, объективно закрепленные в коллективном языковом сознании и зафиксированные в авторитетных источниках – например, в толковых и энциклопедических словарях [12]. Помимо термина «культурный код» в работах исследователей встречаются такие понятия как «языковой код», «лингвокультурный код», «культурно-языковой код», что говорит о недостаточной разработанности данного феномена, особенно с точки зрения его влияния на формирование лингвистической самоидентификации [13]. Согласно точке зрения Е.В. Королёвой, «термин лингвокультурный (лингво-культурный) код более удачен в сферах лингвистики <...> в сравнении с терминами культурный код и языковой код, поскольку в нём подчёркивается равноправие изучения культурных и языковых феноменов» [14]. В.А. Маслова подчеркивает, что лингвокультурные коды отражают национально-культурную специфику использующего их народа, так как соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человека [15].

На наш взгляд культурные коды отображают определенные части картины мира, которые объединяют всю национально-культурную информацию о мире, которую каждый этнос перенес на уровень языковых единиц. Любая культура обладает огромным количеством культурных кодов, которые вербализируясь, принимают форму лингвокультурных кодов, передающих культурно-значимую информацию и формируя языковую самоидентификацию. Подобные кодированные способы общения, базирующиеся на собственных языковых кодах, обычаях и традициях повседневного общения часто воспринимаются некорректно представителями других культур.

МЕТОЛОГИЯ

Целью данной работы является анализ отличительных характеристик лингвокультурных кодов, присущих грамматике и лексике современного корейского языка, и их взаимосвязь с социокультурными и историческими особенностями южнокорейского общества. Мы проводили концептуальный анализ взаимосвязи корейского языка и культуры Южной Кореи, применяя комплекс познавательных методов и установок, которые соответствуют смысловому центру «язык и культура».

РЕЗУЛЬТАТЫ

Южная Корея – одно из немногих моноэтнических государств с одной из древнейших культур в мире, на которую оказали влияние Китай, Япония, и позднее США. Так как в течение долгого времени Корейский полуостров находился под влиянием Китая, и вследствие этого всю корейскую лексику можно разделить на две обширные группы: исконно-корейские слова и ханчао [한자어], сино-корейский лексикон, состоящий из заимствованных китайских иероглифов. К сегодняшнему дню, большая часть сино-корейских слов представляет собой архаизмы [16].

Как и многие другие восточноазиатские государства, Южная Корея находится под сильным влиянием конфуцианства, точнее, нео конфуцианства. Конфуцианская

система верований стала определяющим фактором для большинства южнокорейских норм, ценностей и традиций, которые объясняют многие лексические и грамматические особенности корейского языка. Обычно к конфуцианским ценностям относят такие явления, как фамилизм, коммунизм патернализм, трудовую и образовательную этику. Фамилизм трактуется как концепция признания важности семьи. Коммунизм, в свою очередь, подразумевает идею преобладания общности над индивидуализмом. Эти два фактора считаются важными не только для частной, но и для общественной жизни.

Они тесно взаимосвязаны, поэтому упоминая в беседе своего родственника предпочтительно использовать местоимение «наш» вместо «мой». Кроме того, достигая определенной близости в отношениях, младшие по возрасту друзья, с согласия старших, обращаются к ним «старшая сестра» («онни» [언니]; «нуна» [누나]), «старший брат» («оппа» [오빠]; «хён» [형]).

Патернализм как компонент южнокорейской культуры подразумевает уважение, как к авторитету отца, так и к признанию иерархических социальных рамок. Конфуцианство поощряет особое уважение к авторитету, а также предполагает преемственность ценностей и сохранение традиций с течением времени. Отличительной чертой южнокорейского народа является безоговорочное уважение к старшему, сдержанное и послушное отношение в целом [17]. Данная особенность оказала сильнейшее влияние на корейский язык. Во-первых, корейский язык имеет шесть стилей вежливости: три уважительных стиля «чондэмаль [존댓말]» и три неформальных, разговорных стилей «панмаль [반말]». Использование каждого из стилей зависит от отношений между собеседниками, обстановкой, разницей в возрасте, разницей в социальном статусе и т.д. Более того, существуют четкие правила по употреблению письменного и разговорного стилей. Во-вторых, корейский язык является единственным в мире языком, сохранившим гоноратив, грамматическую категорию вежливости. Помимо гоноратива суффикса «щи [시]», корейский язык имеет уважительную форму многих глаголов и существительных. К примеру, глагол «есть» имеет две формы: обычную «могта [먹다]» и уважительную «тыщида [드시다]».

Однако когнитивное восприятие так же сыграло немаловажную роль в формировании южнокорейского языка, в частности, его лексикона. К примеру, в силу того, что рис исторически является важнейшей продовольственной культурой Южной Кореи и присутствует в большинстве национальных блюд, слово «пап [밥]», дословно переводящееся как «вареный рис», приобрело значение «еда». Кроме того, при добавлении этого существительного к словам утро (ахим [아침]) и вечер (чонёк [저녁]) образовались такие лексические единицы как завтрак (ахимпап [아침밥]) и ужин (чонёкпап [저녁밥]). Это может свидетельствовать о том, что так как в корейской культуре варёный рис является неотъемлемой частью практически каждого приёма пищи, его лексическое значение трансформировалось в результате когнитивного восприятия и оценивания индивидами.

Отдельно можно выделить присущий корейскому языку лингвокультурный код, связанный с такими животными как дракон и тигр, поскольку с древних времён этих животных в Корее относили к священным и часто использовали их образы в мифах, изобразительном искусстве, литературе, притчах и т.д. Оба эти животных считались в Корее божественными, поэтому их всегда отождествляли с величием, могуществом, мудростью и силой. Таким образом, благодаря частому упоминанию в народе тигра и дракона, в языке сформировались пословицы и поговорки, а образы дракона и тигра стали нарицательными. К примеру, изречение «борьба тигра с драконом» (кор. «ёнгченхотху» [용쟁호투]) можно услышать, когда речь идет о сражении не на жизнь, а на смерть. Или же пословица «иметь го-

лову дракона, а хвост змеи» (кор. «ёнгдусами» [용두사미]), означающая хорошее, впечатляющее начало и неудачный конец чего-либо. Кроме того, согласно корейским легендам, тигр – это царь леса, «горный государь», и даже полосы у тигра на лбу складываются в китайский иероглиф «король» («ванг», кит. [王] кор. [왕]). Как результат в корейском языке появилось выражение, дословно означающее «В лесу без тигра и заяц – царь» (кор. «хоранги омнын супхе тхоккига ванг норыт ханта» [호랑이 없는 숲에 토끼가 왕 노릇 한다]). Нельзя не упомянуть и журавля, которому в корейской культуре уделяется особое внимание. Поскольку в мифах и легендах журавль – это мудрая, утонченная птица, в корейском народе изящных дам всегда сравнивали с журавлями, а в корейском языке появились идиомы, отражающие образ птицы. К примеру, фразеологизм «кунгеильхак» [군계일학], дословно переводящийся как «среди кур один журавль», используется при описании человека необычного, отличного от большинства.

Как ни странно, но свинья в корейской культуре занимает особое место наряду с ранее упомянутыми животными и является символом богатства. По причине того, что в китайском языке иероглифы, означающие «свинья» и «нефрит» звучат одинаково, в Китае и в Корее свинья стала считаться предвестником богатства, что позднее отразилось и на формировании устойчивых выражений в корейском языке. Так, идиома «то-эджи кумыль куда» [돼지꿈을 꾸다], дословно переводится как «увидеть свинью во сне», что означает «видеть счастливый сон».

Важно отметить, что в конце 80х-начале 90х годов в результате демократизации, модернизации экономики и политико-идеологического сближения Южной Кореи с США, в корейском языке появилось множество заимствований из английского языка, которые на сегодняшний день составляют широкую часть корейской лексики, в особенности термины из технической и научной области. Примерами таких заимствований являются такие слова, как «телефон» («хэндипхон» [핸디폰] от англ. «handphone»), «компьютер» («компахютхо» [컴퓨터] от англ. «computer»), «интернет» («интхонет» [인터넷] от англ. «internet»). Использование заимствованных из английского языка слов в корейском лексиконе получило название «Конглиш» [콩글리시] (от англ. «Konglish» (Korean + English)).

ВЫВОДЫ

В заключение, можно сделать вывод, что взятый за пример корейский язык подтверждает выдвинутую идею, согласно которой, язык – это целая система, состоящая из культурно-социальных и когнитивных концепций, присущих той или иной этнической группе. Следует так же отметить, что язык не только накапливает определенные культурные и исторические особенности, но и трансформируется вместе с ними, формируя и отражая этническое самосознание. Язык, как средство накопления культурных концептов, может отражать культурные особенности изучаемой этнографической группы и формировать этническое и языковое самосознание у индивида, разговаривающего на этом языке. Успешная коммуникация с представителями разных культур невозможна без понимания их языковой тождественности, без «расшифровки» лингвокультурных кодов, что дает неопределимую возможность расширить собственные представления о языковой картине мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация // Вестник культурологии. 2002. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/s-g-ter-minasova-yazyk-i-mezhkulturnaya-kommunikatsiya> (дата обращения: 16.03.2021).
2. Агафонова К. Ю. Проблема значения в свете когнитивной теории // Лингвокультурология. 2019. №13. С. 7-13.
3. Sharifian, F. Cultural linguistics and linguistic relativity/ Language Sciences. 2017. - pp.83-92
4. Шарифьян, Ф. Культурная лингвистика: Культурные концепции и язык. Амстердам. 2017. - 171 с.
5. Солдаткина, Т.А. Лингвокультурные коды: разграничение поня-

тий// В сборнике: Языки, культуры, этносы. Формирование языковой картины мира: филологический и методический аспекты. Сборник научных статей по материалам XI Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции (с международным участием). Марийский государственный университет; под ред. Н.Г. Баженовой. 2018. С. 57-62.

6. Шапошникова, И. В. Междисциплинарность поиска новых путей к объекту современной лингвистики (на примере экспериментального исследования профессиональной идентификации русской языковой личности) / И. В. Шапошникова // Жизнь языка в культуре и социуме-6: материалы конференции. – М.: Издательство «Канцлер», 2017. – С. 34–37.

7. Енина, Л. В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации // Политическая лингвистика. 2016. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/identichnost-kak-diskursivnyy-kontsept-i-mehanizmy-diskursivnoy-identifikatsii> (дата обращения: 17.03.2021).

8. Ожегов, С.И. Код // С.И. Ожегов. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Рус. яз., 1989. С. 228.

9. Ковишова, М.Л. Наука о языке как часть науки о человеке. Культурологическое движение в лингвистике = The Science of Language as a Part of Human Science. Cultural Approach in Linguistics / М. Л. Ковишова // Русский язык за рубежом. – 2020. – № 1 (278). – С.38-43.

10. Лаппо, М. А. Семантика самоидентификации в когнитивно-дискурсивном аспекте / М. А. Лаппо // Сибирский филологический журнал. – 2010. – № 4. – С. 200–207

11. Степанова, Н.И. Интертекстуальная природа визуального текста рекламы: дис. ... канд. культурологии. Кемерово, 2013. 171 с.

12. Карасик, В. И. Лингвокультурный типаж: к определению понятия / В. И. Карасик, О. А. Дмитриева // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типаж: сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.

13. Розенкова, Х.Е. Лингвокультурный код: определение, проблема классификации, роль в межкультурной коммуникации/ Розенкова Х.Е., Шустова С. В. // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnyy-kod-opredelenie-problema-klassifikatsii-rol-v-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (дата обращения: 16.03.2021).

14. Королева, Е.В. Место лексемы код в лингвистической терминотехнике // Преподаватель XXI век. 2015. № 4. С. 332-340.

15. Маслова, В.А. Духовный код с позиции лингвокультурологии. // Метафизика, 2016, № 4 (22).

16. Куротченко, К. Б. Взаимосвязь китайского и корейского языков в контексте глобализации и интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона / К. Б. Куротченко, Ю.И. Швецов. – РУДН. – М.: 2001. – С. 5 – 17.

17. Чанг И., Ву Джей Джей, Везерэлл М. Популярное представление о ценностях и институциональные предрассудки в отношении демократии в «конфуцианской» Восточной Азии. // Азиатская перспектива. 2017. №41(3). С. 347-375.

Статья поступила в редакцию 18.03.2021

Статья принята к публикации 27.08.2021